

Глава первая

Нина смотрела на экран своего телефона, уже не таясь.

40... 41...

До конца школьного года осталось совсем ничего.

Окна в классе с утра распахнуты настежь. Теплый ветер надувает и поднимает белые занавески. На улице проходит урок физкультуры у малышей: они кричат и даже визжат. Иногда до всех старшеклассников доносится писк учительского свистка.

Приятно шелестит яркая, зеленая листва. Теплое солнце светит Нине прямо в щеку, но двигаться ей не хочется: так спокойно и хорошо на душе от этих звуков и ощущений последних дней мая.

43... 44...

Нина оглядывает класс. Почти никто и не подумал положить на парты хотя бы ручки, не говоря уже об учебниках. Нина и сама сегодня пришла с маленькой сумочкой через плечо: без тетрадей, без пенала, без книг.

Все ребята ерзают на своих местах. Должно быть, эти последние минуты последнего урока для многих растянулись в долгие часы. Даже милая и прилеж-

ная Туся, Нинина соседка по парте и близкий друг, несколько раз тяжело вздыхала и постоянно меняла позу: то положит подбородок на ладошки, то выпрямится, то ногами пошевелит.

45...

«Сейчас!»

Противный школьный звонок, который всегда раздражал Нину, в это мгновение показался громким, бодрым и дружелюбным, как папин голос, которым он говорил, когда Нина болела, чтобы поддержать ее. Все тут же зашевелились, повскакивали со своих мест.

— Желаю вам хорошо отдохнуть, — сказала учительница с улыбкой.

На улице, на школьном крыльце, Нина глубоко вдохнула и потянулась.

— Как же хорошо, Туся! Как же хорошо...

— Нина! — окликнули ее сзади. Дима Лосев остановился около девочек, взял прядь длинных светлых Нининых волос и, накручивая ее на палец, спросил, оглядывая Нину жирным и липким, как невытые два дня волосы, взглядом:

— Послушай, давай я тебе напишу, и мы ходим куда-нибудь летом? Что скажешь?

Нина расплылась в улыбке и легко дотронулась до Диминой груди пальчиками:

— Димочка, с тобой — хоть на край света. Пиши, когда захочешь, — сказала она, ненароком высвобождая свою прядь из его ладоней.

— Супер, — он улыбнулся, как будто только что выиграл Аустерлицкое сражение, — я напишу, — и подмигнул.

Когда Дима отошел, Туся сказала:

— Ты же уезжаешь и обычно отключаешь все соц-сети на лето.

Нина бросила быстрый взгляд на Диму, который громко засмеялся в компании парней и смачно сплюнул прямо на асфальт.

— Вот и пусть пишет, — сказала она, откинув волосы назад, — мне не жа... Ай! — вскрикнула, когда ее пощекотали сзади. — Даня!

Смеющийся молодой человек обошел девочек и встал перед ними. Туськин брат.

— Ну что, Улитка, — спросил он у Туси, — домой? Слушайте... уроки сегодня ужас! Я думал, не высижу, время тянулось бесконечно!

Нина закивала.

— Домой, — сказала Туся, а потом повернулась к Нине. — Ты к нам?

— Да нет, пожалуй... Думаю...

— Извините, я сейчас, — перебил Даня, не дослушав, потом крикнул: — Светик-семицветик! Подожди секунду! — и умчался.

— Так что ты говорила? — переспросила Туся.

— Говорю, что собирать вещи нужно. Электричка завтра, а я даже еще не подумала, что возьму с собой.

— Ты все еще не собралась? Я думала, еще в начале мая вещи упаковала и на чемоданах живешь... Все уши ведь мне прожужжала...

Нина пожала плечами. Старшеклассники продолжали выходить из распахнутых школьных дверей, и почти все молодые люди останавливались око-

ло Нины и что-то говорили ей. Обычно диалог был таким:

— Ниночка, привет, что делаешь завтра?

— Вадичка (тут можно подставить любое мужское имя), извини, страшно занята, уезжаю.

Тогда Вадичка ужасно расстраивался и выражал намерение следовать за Ниной хоть на край света. Нина смеялась, и они прощались.

Туся, которой надоел хоровод Нининых ухажеров, взяла подругу за руку и мягко потянула к выходу:

— Пойдем уже, мы с Даней тебя проводим, все равно в одну сторону... Дань! Мы уходим! — крикнула Туся.

Даня замахал руками, мол, идите, догоню, и снова посвятил все свое внимание Светику-семицветику.

Дома Нина никого не обнаружила.

Стояла ужасная духота.

Нина тут же повернула ручки на всех окнах, впуская в квартиру майский вечер.

Родители всегда закрывали наглухо все, что можно, перед уходом. «Боже мой! Да кто к нам на двенадцатый этаж полезет? Голуби-бандиты?» — постоянно смеялась Нина. Но родители все равно делали по-своему: боялись, что молодая, глупая и уже обожаемая всей семьей кошка может попасть в беду. «У меня так у подруги в детстве кот умер, — как-то рассказала мама. — Представляешь, ее родители в жару тоже окна оставили открытыми, ушли на работу. Она, подруга моя, просыпается и видит... страшная вещь... болтается тельце... страшная вещь!»

— Ну, привет, Любовь, — Нина присела, чтобы погладить ласковую белую кошечку, совсем еще тоненькую по своей молодости, которая терлась о ее ноги. — Где все?

Любовь мяукнула и высунула на долю секунды язык. Про родителей она ничего не знала, но вполне ясно давала понять, что голодна.

Нина прошла на кухню, а за ней проследовал топот кошковых лапок.

— Ну, Любовь, ты как слон! Конечно, любовь же чувство большое, да? Значит, и тяжелое. Ты соответствуешь, все правильно.

На тумбе около холодильника лежал белый лист бумаги:

«Ушли в гости, Нинуль. Не теряй. Собери все вещи, завтра электричка рано.

Р. С. Люблю.

Р. Р. С. Еда в холодильнике».

Любовь недовольно мяукнула и ткнулась мокрым носом Нине в лодыжку.

Записку от мамы Нина положила туда же, откуда взяла, накормила бедную кошку и выглянула в окно.

«Боже мой! Наконец! Свобода! Ах, боже мой, как хорошо!»

Когда за окном зачирикали птицы, Нине захотелось захохотать от счастья.

Подхватив наевшуюся Любовь, Нина упала в кресло в гостиной, включила телевизор (никаких уроков!) и, совсем не обращая внимания на фильм, стала думать о предстоящем лете.

Дача, шумящий лес прямо за окном, речка, вода в которой к середине лета становится теплее свежесваренного чая...

Большой участок в деревне рядом с сосновым бором Нинины бабушка и дедушка получили много лет назад, задолго до ее рождения. Мама всегда любила рассказывать, что дедушка сам строил и дом, и баню. В детстве Нина смотрела на них и думала: «Это как так — сам? Совсем сам?»

Прошло уже много лет, бабушка с дедушкой состарились, Нина повзрослела. На том участке родители, дела которых давно пошли в гору, построили просторную летнюю дачу, но Нина все еще, смотря на маленький домик из сруба с голубыми ставнями, который родители не стали сносить и который одиноко стоял в самой глубине участка, там, где начинался сосновый бор, с восторгом думала: «Своими руками сделать нечто монументальное... то, что стоит уже двадцать лет... или больше... Разве это не чудо?»

Щелкнул дверной замок. О чем-то по-доброму споря, в квартиру вошли родители. Все еще держа Любовь на руках, Нина показалась в коридоре и прислонилась к стене.

— Сколько букетов тебе сегодня подарили? — спросил папа. Он давно — в целях самозащиты — стал относиться насмешливо к тому, что Нину (господи, совсем малышка ведь еще!) с четырнадцати лет окружают ухажеры.

— Нисколько. Я исчезла раньше, чем меня успели осыпать комплиментами и завалить цветами.

— Вот и хорошо, в доме уже ваз нет, — сказала мама, обмахивая лицо руками. — Господи, как жарко в конце мая... Так, вещи собрала?

— Нет... — Нина зевнула. Прохлада вечера и мурчание кошки действовали на нее успокаивающе.

— А что делала? — мамин голос донесся из ванной, где она мыла руки.

— Ленилась... Мам, не волнуйся, все успею.

Поздно ночью, собирая вместе с мамой чемодан, Нина спросила:

— А вы когда приедете?

— В конце июля. Когда мне отпуск дадут, — сказала мама, аккуратно сворачивая Нинины джинсы.

В комнате горела только настольная лампа. За окном шумела листва. На кровати, свернувшись клубочком, давно спала Любовь.

— Даню с Тусей сразу на вокзал привезут или мы их заберем?

— Заберем... Так, вроде все собрала... подожди, платье же твое летнее высохло!

— Какое? — спросила Нина.

Мама уже скрылась в гардеробной и оттуда крикнула:

— Ну какое, какое... любимое твое! Которое ты заляпала мороженым... — Пока мамы не было, Нина быстро достала из-под подушки два комплекта нижнего белья, которые купила совсем недавно, и положила под только что сложенные джинсы. — Вот это! — мама показалась в дверях комнаты.

— Точно! Хорошо, что вспомнила.

— Только оно помнется у тебя... давай переложим по-другому, сейчас...

— Нет! Не надо! — Нина отчаянным рывком попыталась остановить маму, но опоздала. Она уже подняла джинсы и заметила белье.

— Это что? — спросила мама.

Нина густо покраснела.

— Я увидела в интернет-магазине... красивое... мне захотелось...

Мама молча сложила все обратно и закрыла чемодан.

— Красивое. Зачем прятала?

У Нины заалела даже макушка.

— Если хочешь, могу записать тебя к гинекологу. Нужно? — мама поставила чемодан к дверям, повернулась к Нине и внимательно на нее посмотрела.

Нина покачала головой, разглядывая пол.

— Ложись спать, завтра электричка рано, — сказала мама и вышла.

Нина тут же прижала прохладные ладони, от которых отхлынула кровь, к горящим щекам.

На вокзале людей почти не было.

— Конечно, в среду в девять утра! Я удивлен, что электричка вообще приехала! — бодро сказал Даня, пока Нина и Туся бесцеремонно зевали, лениво обводя взглядами перрон.

— Холодно, — поежилась Нина и укуталась в теплый кардиган. Снова зевнула.

Лето еще не наступило. До конца мая оставалось пять дней, но все уже успели расстроиться: по про-

гнозу, майская жара должна вот-вот смениться проливными дождями.

— Ничего, ничего! — не унывал только Даня. — Спорю, что уже через неделю будем валяться у речки, а пока будем у камина греться.

— И бабушкин чай с мелиссой и мятой пить, — сказала Туся.

— И в шахматы играть, — улыбнулась Нина и глубоко вдохнула свежесть майского утра.

Они проводили в деревне каждое лето, начиная с раннего детства, и уже давно полюбили жизнь вдалеке от города не только в знойные дни, но и в дождливые.

Когда родители завели традицию на все лето отправлять Нину на дачу, ей едва исполнилось семь, и она сразу же почувствовала себя несчастнее всех на свете. Без Интернета! Без дворовых друзей! Без мультиков! Правда, грусть ее продлилась недолго, до тех пор, пока соседний участок не выкупила семья с тремя детьми. Так Нина встретила Тусю и Даню.

Так уж вышло, что все состоятельные люди их города имели дачи именно в «Сосновом лесу» (так назывался дачный поселок), а детей непременно отправляли в один и тот же лицей (потому что — лучший!), поэтому Нина была счастлива вдвойне, когда первого сентября увидела своих летних друзей на линейке.

— Так, дети! — рядом с ними остановился Нинин папа. Он единственный оказался практически свободен этим утром (совещание не считается уважительной причиной, если ты владелец предприя-

Зина Кузнецова

тия и легко можешь сдвинуть его на пару часов, по мнению Нининой мамы). — Вон ваша электричка. Поезжайте и, пожалуйста, будьте благоразумными. Доберитесь, я прошу вас, без приключений, чтобы нам не пришлось, как в том году, вылавливать вас в лесу (Тусю тогда укачало, они вышли подышать, а электричка взяла и уехала. Хорошо хоть до деревни оставалось всего несколько километров). Даниил! Ты главный, за девочками бди. Что еще... Нина, за Любовью следи, бабушку и дедушку слушайся, не раскручивай их на подарки и попытайся не утонуть в их ласке... Даня, Туся, ваши родители передали вам точно такое же пожелание... Ну, все, давайте помогу вам с сумками...

Когда все чемоданы оказались в вагоне, Нина обняла папу, поцеловала его на прощание (они не увидятся почти два месяца) и села рядом с Тусей на жесткое сиденье.

Пейзаж за окном тронулся. Нину охватило сладкое волнение. Лето началось, пусть сейчас все еще май — это неважно. Лето началось!

Глава вторая

Электричка все неслась среди зеленых лесов и широких полей, закрывая собой от птиц темные рельсы, которые всегда заставляли Нину чувствовать внутри какое-то сопротивление. Такое сопротивление может ощущать заядлый перфекционист, который, наслаждаясь идеально выстроенными окнами на фасаде дома, вдруг замечает, что одно из окон чуть повернуто и выбивается из общей картины. Так же и Нине хотелось насадить больше деревьев, только бы скрыть следы человеческой гордыни, из-за которой возможность добраться до пункта назначения за шесть часов, а не, положим, за неделю стала цениться больше, чем дуб или береза, которые росли не одно десятилетие...

Нину отвлек смех кудрявой, странно одетой (кто вообще в наше время носит легинсы под платье?) девушки, с которой уже полчаса флиртовал Даня у дверей вагона.

— А что, Светик-семицветик уже не в почете? — спросила Нина, но Туся не смотрела на нее, поэтому не услышала. Нина легко дотронулась до плеча подруги и, когда та повернулась к ней, повторила вопрос.

— Это же Даня, — улыбнулась Туся и пожала плечами.

Нина еще раз бросила быстрый взгляд на Даню, который, отпуская очередную шутку, казалось, и думать забыл об остальном мире. «Бдит», — со смехом подумала Нина, вспомнив папино указание, а потом снова дотронулась до Тусиного плеча, чтобы подруга посмотрела на нее, и прошептала:

— Мама вчера нашла мое новое белье...

Тусины глаза округлились.

— Это то? Новое? И что было? — так же тихо спросила она.

— Ничего... просто положила назад в чемодан и спросила, нужно ли ей записать меня к гинекологу... Стыдно как, ты не представляешь...

— Но стыдиться ведь нечего.

— Знаю... понимаю умом, но все равно... Мучительно становиться женщиной на глазах мамы. Даже папа уже смирился, не донимает меня опекой, а мама все еще смотрит как на семилетнюю... — Даня вернулся на свое место, сел, надел наушники. Нина бросила на него быстрый взгляд, убедилась, что он слушает музыку, и продолжила: — А я и чувствую себя семилетней. И как семилетней девочке мне ужасно стыдно надевать все вот это взрослое, что я купила, и стыдно, что мама видит, что я расту... По-моему, я больная, Туся. Мне кажется, это что-то в голове. Может быть, даже по Фрейдю...

Туся покачала головой:

— Глупости все это! Это красивое белье, почему бы не носить его в свои семнадцать? А стыдить-

ся своего расцветания — все равно что ели краснеть из-за зеленых иголок... Не за чем. Все естественно, понимаешь? — Заканчивая свою речь, милая Туся, которая всегда принимала беды любимых слишком близко к сердцу, совсем рассвирепела.

Вдруг электричка дернулась и остановилась. Приехали. Туся отвлеклась от разговора и очень скоро снова стала большеглазым, улыбчивым морским котиком.

Девочки встали.

— Дань, Дань! — Туся аккуратно потрясла успешшего задремать брата за плечо.

— Что? — он даже подскочил от внезапного пробуждения.

— Приехали, Дань... Помогите с вещами.

Даня пропустил девочек вперед, вышел следом, поставил все сумки на перрон, выпрямился и огляделся. Заметив, что девушка, с которой он флиртовал, кое-как справляется с большими авоськами, видимо набитыми чем-то тяжелым, с неистощимым запасом бодрости подскочил к ней и помог донести сумки до старенького «уазика». За рулем такой машины Нина ожидала увидеть какого-нибудь крепкого, матерого лысого мужчину с сильными руками, но точно не молодого парня с сигаретой в руке.

Девушка что-то сказала Дане, и они оба рассмеялись. Нина посмотрела на Тусю:

— Он вообще в курсе, что перед мужчиной не стоит задача флиртовать с каждой особью женского пола?

— В курсе, поэтому и флиртует только с молодыми красивыми девчонками и держит на приличном расстоянии бабушек, — сказала Туся.

— Эй, Казанова! — крикнула Нина и сама удивилась своей бестактности. На нее тут же посмотрели все, кто был поблизости, и даже тот парень за рулем «уазика». Она смутилась, но все-таки заставила себя продолжить: — Нам пора!

Когда «уазик» тронулся, подпрыгнув на месте, и отчалил, Даня, пританцовывая, вернулся к своим спутницам.

— Вот вы сейчас будете что-нибудь колкое говорить, а я, между прочим, нам досуг организовал, — загадочно сказал он, забирая у девочек сумки.

— Какой досуг? — спросила Нина, выискивая глазами машину дедушки.

— Настя, ну, девушка эта, сказала, что сегодня вечером в их клубе будет дискотека. Супер, я считаю! Сегодня весь день дождь, могли бы тухнуть дома, а к нам такое развлечение подкатило! Фартовые мы с вами, друзья мои!

— А клуб где?

— По ту сторону реки, в деревне.

— Ну, фартовый, укатила удача, — Нина похлопала Даню по плечу, — нам на другую сторону нельзя, там опасно.

Деревня, где располагались дачи, находилась далеко от города. Прямо посередине (если смотреть по карте) ее делила надвое маленькая речка. На одном берегу жили местные, а на другом — государство стало выделять землю для городских. Когда

дедушка и бабушка Нины получили здесь участок, никого не волновала разница в социальном положении: городской, не городской — все общались легко и дружелюбно. И только последние двадцать лет, когда «Сосновый бор» стал привлекать внимание все большего количества людей и цены на участки резко возросли, река, разделяющая бедную деревеньку и огромные недавно возведенные коттеджи, стала словно непреодолимой преградой между состоятельными городскими людьми и простыми жителями деревни.

— Меня, в общем-то, мало туда тянет... — продолжала Нина. — Шахматы, камин, чай — все лучше, чем какой-то грязный клуб с этой беспардонностью деревенских парней, и вообще... нет, я точно не пойду. Тусь, ну скажи!

Туся пожала плечами.

— Снобизм, Нинуль, нужно из себя изгонять, как дьявола. Хочешь, заедем по пути в церковь за святой водичкой? — сказал Даня.

— При чем тут снобизм? Там, в деревне этой, постоянно кого-то режут, куча пьяных... нас даже не защитит никто в случае чего!

— А я? — обиделся Даня.

— А ты и не заметишь, как нас украдут, пока будешь флиртовать с какой-нибудь девицей в лосинах и тунике.

Даня надулся и молчал всю дорогу, но Нина даже не обратила на это внимания: она все льнула к своим бабушке и дедушке, которых не видела целый год.

— Кошечка моя, как ты выросла! — все повторяла бабушка и, держа Нинино лицо в ладонях, целовала ее в обе щечки. — Тусечка, Даня, дайте я вас тоже поцелую. Дети, как мы вам рады! Ваша бабушка тоже хотела ехать встречать, но мы сказали, что раз мы нашу Ниночку встречаем, то и вас подбросим, не оставим... Вы, ребята, за бабушкой присматривайте, у нее вчера давление скакнуло...

Машина остановилась около большого двухэтажного дома с панорамными окнами на втором этаже. Все дружно вывалились из «Москвича», который дедушка упорно отказывался менять на более современный автомобиль.

— Забегайте к нам на ужин! — успела крикнуть бабушка, перед тем как двери дачи Дани и Туси закрылись.

— Обязательно, тетя Соня! — донесся до них Данин бас.

Все оставшееся время до ужина Нина купалась в любви и ласке бабушки и дедушки.

— Я пирожков напекла, будешь?

— Бабуль, я до ужина потерплю.

— Может, хоть один съешь? Ты худенькая такая...

— Не голодная, бабуль.

— Я по телевизору вчера видела, передача была... Девочка... одни кости, все на диетах сидела, думала, что толстая... Ты не вздумай!

— Бабулечка, да ты что, я обожаю покушать. Вот хочешь, прямо сейчас съем пирожок? Хочешь, два? — откусила. — Как вкусно... Обалдеть можно! —

расцеловала бабушку в обе щеки, а потом и дедушку, читающего книгу здесь же, в гостиной, за компанию.

Сама не зная отчего, Нина завертелась в середине комнаты так, что голова закружилась, и со смехом упала на диван.

— Стрекоза! — сказала бабушка, любуясь Ниной.

Рядом с чемоданом послышалось жалобное мяуканье.

— Ой, бабушка, дедушка! — тут же спохватилась Нина, дожевав последний пирожок. — Про Любовь-то мы забыли совсем! — и бросилась к переноске, откуда обиженно на нее смотрели два голубых глаза.

— Про кого забыли? — не понял дедушка. — Это что за облако пушистое? — удивился он, когда Нина достала из переноски свернувшуюся в клубок кошку и прижала к себе.

— А это мы завели недавно, мама вам не говорила? Любовь. Не путать с Любкой!

— Ох ты, боже мой, дай поддержку, — бабушка осторожно провела морщинистой, но всегда ласковой рукой по белой шерстке. — Интересная какая... Молодая еще?

— Молодая, — подтвердила Нина. — Я родителей уговорила мне ее сюда отдать. Что ей в городе делать, в душной квартире, а тут целый двор в ее распоряжении...

— И Джин, — сказал дедушка.

Джин — существо необыкновенное, приводящее в восторг любого, кто с ним знакомится. Огромная такса, по габаритам больше напоминающая пуделя

среднего размера. Дедушка нашел его лет десять назад на дороге и забрал себе. Умный, сообразительный, смелый. Видимо, Джин очень боялся снова оказаться на улице и поставил себе задачу очаровать любого, кто вхож в семью его хозяев. С тех пор он верно несет службу, своих защищает и любит, а чужих нещадно гоняет.

— Джин умный, мы ему скажем Любовь не шутить, он и не будет... Дедушка, ты мне можешь? Я как-то побаиваюсь их знакомить сама.

Дедушка кивнул и поднялся с кресла.

Крепко прижав обалдевшую от внезапного переезда Любовь к себе, Нина вышла следом за дедушкой во двор. Джин сидел у забора и с интересом смотрел на какого-то огромного жука, ползущего по доскам вверх.

— Джин! — крикнул дедушка. — Ко мне!

Но Джину и не нужна была команда. Увидев Ниночку, которая всегда кидала ему кусочки мяса или сладости со стола, он с лаем понесся через весь участок к своим хозяевам. Передав Любовь дедушке, Нина присела и стала чесать развалившуюся у ее ног собаку.

— Ну, давай, готова? — сказал дедушка, немного подождав, и снова вернул кошку ее хозяйке. — Я сейчас ему пасть сожму, а ты подсунь ее ему под нос, чтобы он понюхал... Да не бойся, смелее!

Нина крепко сжала трясущееся кошачье тельце в руках, поцеловала ее в макушку и поднесла к морде Джина. Он сначала никак не реагировал, а потом

в глазах его вспыхнул задорный огонек, и он заво-
зился в крепких дедушкиных руках.

Нина почувствовала, как сильнее забилося ко-
шачье сердечко.

— Нельзя! — грозно сказал дедушка. — Нельзя!
Свои, Джин, свои! Я сейчас отпущу его...

Джин просидел спокойно целую минуту, а потом,
оскалившись, рванул вперед. Нина вовремя успела
схватить совсем растерявшуюся Любовь и поднять
повыше.

— Ну, ничего, привыкнут... — спокойно сказал де-
душка и достал сигарету.

Нина погладила кошку по голове, потом бросила
взгляд на соседний дом и спросила:

— А к тете Тане только Туся с Даней приехали?

— Да вроде да, больше пока никого не видел.

Нина все думала, спросить или нет. Решила не
спрашивать.

— Понятно, — сказала она и, все так же поглажи-
вая кошкину макушку, направилась в дом.

Увидев по дороге сваленные бревна, Нина повер-
нулась к дедушке и спросила:

— А это что?

— Беседку будем строить.

— У нас ведь есть...

Дедушка развел руками, зажав сигарету во рту,
мол, он в курсе, но поделать ничего не может:

— Твои родители распорядились. Говорят, там бу-
дет печь, чтобы холодными вечерами сидеть...

— А делать-то кто будет? Ты?

— Я уже не в том возрасте, чтобы с бревнами бегать... Деревенских ребят найдем.

Кивнув и сразу же забыв про услышанное, Нина вошла в дом.

— Тетя Соня, встречайте гостей! — Данин голос разнесся по всему дому. — О, Ниночка, ты чего? Защемило? Знаешь, семнадцатый год — это все-таки уже возраст, ничего не поделать. Андрей Георгиевич, вы камин разжигаете? Вам помочь?

Нина, сидящая на корточках рядом с дедушкой в точно такой же позе, что и он, и наблюдающая, как дедушка подкладывает дрова и чиркает спичкой, громко фыркнула:

— То есть у меня возраст, а дедушка так просто камин топит? Что ж ты про его позу не пошутил?

— Я что, дурак, про Андрея Георгиевича шутить? Дедушка хмыкнул.

Нина как замороженная смотрела на занимающийся огонь и лишь отдаленно слышала, как в гостиную вошла румяная от готовки бабушка, и Даня тут же подлетел к ней:

— Тетя Соня, — Нину всегда забавляло, что к ее дедушке все с самого детства обращаются с пиететом и легким внутренним смущением и зовут неизменно Андреем Георгиевичем, а к бабушке, даже повзрослев, просто «тетя Сонь», — вот, бабушка передала. Сказала, что черешня у нас уже сладкая очень, — и Даня отдал Ниной бабушке плетеную корзину, накрытую белым вафельным полотенцем.

— Ой, прелесть какая... А Танечка где?

— Ей все еще нездоровится. Нас отправила к вам, сама захотела отлежаться.

— Понятно. Ну, передавайте ей большое спасибо... Так, давайте-ка к столу! Ниночка, Андрей, пойдете уже!

За столом Даня, как всегда, болтал больше всех. Иногда, когда он выдыхался, по столовой разносился серьезный голос дедушки и звучала история из его офицерской жизни, потом, когда и он замолкал, начинали щебетать девочки.

Когда бабушка принесла чай с травами, а Нина с Тусей убрали со стола все грязные тарелки, дедушка достал шахматы и поставил доску на дубовый стол.

Только в тишине, которая необходима, чтобы играющие могли сосредоточиться на партии, Нина, поглаживая свернувшуюся в кресле Любовь, услышала, как барабанит по крыше дождь.

— Ой! Как льет! — она тут же подскочила к окну. Ветер трепал листву и гнал черные тучи.

— После такой жары — естественно, — отозвался дедушка и задумчиво потер подбородок. Он оказался в сложной ситуации: впервые с тех пор, как научил эту ребятню играть в шахматы, он мог действительно получить мат.

Вдруг по забору мазнул свет фар и тут же исчез, а потом Нина увидела, как к дому Туси и Дани подъехала машина.

— Ой, а у вас гости, — сказала Нина. Ей никто не ответил, поэтому она повернулась.

Туся, подперев лицо руками и нахмутив брови, наблюдала за игрой дедушки и Дани. Двое последних, наверно, Нину даже не слышали.

— Говорю, машина... гости приехали... Дань!

— Да нет, — отозвался он, делая ход ферзем, — Филя просто... он ночью собирался... раньше успел вырваться, видимо... Перед сессией на пару дней...

— Филя... — Нина снова подошла к окну и посмотрела на машину.

— Андрей Георгиевич! — услышала Нина недовольное Данино ворчание за своей спиной. — Ну как так? Я ведь все просчитал, это вилка должна была быть!

— Я сколько раз тебе говорил, что про пешки забывать нельзя, а ты их вечно со счетов сбрасываешь. Ты думаешь, в войне короли сражения выигрывают? Солдаты, Даниил, обычные солдаты. Ну что, еще партейку?

Даня глянул на огромные напольные часы за дедушкиной спиной и встал, потянувшись:

— Спасибо, Андрей Георгиевич, но меня сегодня растолкали ни свет ни заря, я с ног валюсь.

И даже зевнул для убедительности.

— Всем спокойной ночи! — крикнул Даня на весь дом и вполне бодрой рысцой направился к выходу.

— Ну что, девчата, — дедушка оглядел Нину с Тусей. — Кто следующий?

Вызвалась Туся.

Нина все сидела у окна и смотрела на потухшие фары машины, которую различить в темноте можно было только благодаря ее белому цвету, и думала,

что завтра непременно должна сходить в этот дом, скажем, проведать тетю Таню.

— Ну что же ты, Наташенька, — сказал дедушка. Он единственный иногда называл Тусю ее полным именем. — Как могла пропустить? Тут же ладья и конь, ну как же ты?

Туся улыбнулась и развела руками.

— Нина? Попытаешь счастье?

— Не сегодня, дедушка. Я так спать хочу, что продую тебе на первых минутах.

Провожая Тусю до дыры в заборе, соединяющую два соседних участка, которую негласно решили оставить как символ дружбы домами, Нина спросила:

— А что, Даня все-таки отправился на эту деревенскую дискотеку?

Туся пожала плечами:

— По крайней мере, я очень сомневаюсь, что сейчас найду его сопящим наверху.

— Ему девушка в лосинах так в сердце запала или мы с тобой не способны понять какую-то эстетику Даниного авантюризма?

— Ой! — Туся только махнула рукой и, поцеловав Нину в щеку, пролезла через дыру.

Нина немного потопталась на участке, потом села на крыльцо рядом с Джином, приобняла его и подняла глаза к небу.

Новолуние, поэтому так темно.

«Ох, хоть бы Данька ни во что не вляпался. Не хватало нам еще в последнее лето перед выпуском сердечных переживаний», — подумала Нина и, подхватив тяжелого Джина на руки, зашла в дом.

Глава третья

Следующим утром Нина вскочила даже раньше, чем предполагала. Окно в ее комнате было распахнуто, несмотря на все же нагрывшееся похолодание. От сырости после вчерашнего дождя любой человек бы покрылся мурашками и захотел укутаться в теплый свитер. Отсутствие солнца навело такую тоску, казалось, и сама природа сонно зевает.

Нина ничего этого не заметила. Она натянула легкий топ и юбку, нацепила босоножки и понеслась вниз.

— Ты куда так рано, кошечка моя? — спросила бабушка из кухни.

— Сбегаю к Туське.

— На завтрак оладушки! — донеслось до Нины перед тем, как она захлопнула дверь.

На улице вокруг нее тут же запрыгал Джин. Не удержавшись, Нина ласково потрепала его по макушке, а он увязался за ней на соседний участок.

Тетя Таня, Данина и Тусина бабушка, сидела в беседе и пила чай, закутавшись в теплую шаль.

— Здравствуйте! — сказала Нина.

— Ниночка! Боже мой! Ты хорошеешь с каждым годом — глаз не оторвать, красавица!

— Спасибо, — Нина уже привыкла к подобным комплиментам, поэтому отвечала больше на автомате, чем искренно. — Я тут с Джином, ничего?

— Проходи, проходи. Чай? У меня сливки свежие.

— Я с Джином, ничего? — повторила Нина.

— И для Джина чего-нибудь подыщем. Проходи, проходи.

Нина дошла до беседки и прислонилась ко входу правым боком. Джин, высунув язык, уже крутился около ног тети Тани.

— Я ничего не буду, спасибо за приглашение, меня бабушка на завтрак ждет. Я только к Тусе и Дане, — ответила Нина, а сама обвела взглядом двор, надеясь увидеть совсем не их, — они проснулись?

— Туся, кажется, уже шевелилась, а Даня... этот до обеда проваливается.

Нина кивнула и спохватилась:

— Как ваше здоровье?

— Спасибо, сегодня уже лучше. Сама понимаешь, старость...

Нина сделала вид, что внимательно слушает, а сама все гадала, как узнать, спит *он* или уже проснулся.

— Может, все-таки чайку, Нин? — еще раз спросила тетя Таня.

Нина замотала головой, а потом наконец придумала:

— Какое утро свежее, просто восторг, да, тетя Тань? Я подскочила прямо ужасно рано, такая свежесть... Бодрит! Как Данька может так долго спать, в кого он соня?

— Да много в кого, у нас в семье предостаточно и сов, и сонь, и медведей, которые, если их не будить, вообще могут в спячку впасть на полгода. Лучше спроси, кто у нас жаворонки. Тут по пальцам пересчитать... — Тетя Таня сделала глоток чая и бросила Джину кусочек сыра. — Я, Туська да Филя.

Нина, уже потерявшая надежду что-то разузнать, сразу засветилась как солнце.

— А Филя разве приехал?

— Вчера приехал. Вон машина его стоит. Я его год не видела, в институте пропадает, говорит, занят страшно. Вырвался вот перед сессией на пару дней.

— Да что вы? Надо же! Я его тоже давно не видела, может, хоть «привет» ему сказать... он в доме?

Тетя Таня протянула Джину еще один кусочек сыра и только потом покачала головой:

— На речку ушел. Я ему говорю, что холодно больно, да и май — не июль. Вода не прогрелась еще толком. А он мне рукой машет, мол, закаляется.

Нина старалась не подавать виду, что расстроилась.

— Что ж, я тогда... тогда к Тусе сбегая, вы не против?

— Беги, конечно, Ниночка. Можешь и сову эту по пути растолкать, нечего ему валяться до вечера.

Дом начинался с большой круглой прихожей. Отсюда можно было пройти напрямую в гостиную, а уже оттуда во все остальные комнаты. Сразу справа от двери находилась широкая лестница, ведущая на второй этаж. Не один год Нина бегала по ней, да и по всему огромному коттеджу, и могла бы с закрытыми глазами пройти до комнат Туси и Дани.

Третья дверь слева.

Нина просунула голову в Тусину спальню и увидела только темные вьющиеся волосы, торчащие из-под одеяла. Она подошла к кровати и осторожно потрясла подругу за плечо, чтобы та развернулась и посмотрела на нее.

— Привет, ты спишь? — сказала она намеренно громко и отчетливо, Туся могла не услышать, если шептать.

— Не сплю, — невнятно пробормотала Туся, открыв на секунду глаза и тут же их закрыв.

Нина поочередно потерла ступни о голени, чтобы стряхнуть мелкую грязь с ног, и забралась к Тусе под одеяло.

— Двигайся давай...

Только оказавшись в теплом коконе, Нина поняла, что продрогла и что май из жаркого и приятного обернулся сырым и холодным.

— Ноги ледяные... — пробормотала Туся и отодвинулась подальше от Нины.

— Тусь...

— А...

Нина замолчала, прислушавшись к звукам на улице. Ей показалось, что тетя Таня с кем-то говорит.

— Тусь, — снова сказала Нина, ничего толком не расслышав из-за закрытых окон.

— Ну чего...

— Даня тебе рассказывал что-нибудь? Ну, про свою эскападу...

— Про деревенскую тусу?

— Ну да...

— Завалился довольный ближе к утру. Разбудил, гаденыш. Филе с бабушкой хорошо, они в другом конце коридора, а моя комната по соседству с Даниной... — Туся широко зевнула, поэтому последние слова Нина просто угадала по смыслу.

— И что, и что?

— Да ничего особенного. Сказал только, что не был на самой дискотеке. Они с девочкой его... как ее... Настей... встретились у моста и решили побыть наедине... Понимай это как хочешь, я предпочитаю думать о романтической прогулке под луной.

— Вчера новолуние было, — зачем-то сказала Нина.

Туся ничего не ответила, только зарылась еще больше в одеяло и вздохнула.

— Ладно, спи, я пойду тогда...

Перед тем как выйти из Тусиной комнаты, Нина немного покрутилась у зеркала. Да, одета она не по погоде, но как юбка хорошо сидит!

Осторожно прикрыв дверь, Нина прошла к лестнице и оторопела.

Филипп, он же Филя, он же старший брат Туси и Дани, стоял в прихожей и снимал с ног грязные и сырые от утренней росы кроссовки.

Нина замешкалась всего на секунду, а потом, не смотря на грохочущее в груди сердце, уверенным и несколько капризным (впрочем, капризность ей шла) жестом откинула волосы назад, когда он поднял глаза и увидел ее.

— Ну привет, привет, Филипп Лавров.

— Привет, привет, Нина Рамазанова.

— Закалялся?

— Закалялся. Знаешь ли, в этом страшном-страшном мире всегда лучше быть начеку. А ты, я вижу, уже закалена до предела.

— Как видишь, Филипп Лавров, как видишь, — Нина почти дошла до конца лестницы и теперь, облокотившись на перила, игриво выставила ножку демонстрируя разрез на юбке. — Я всегда на шаг впереди тебя.

— Похвально, Нина Рамазанова. Ваш гений заставил меня пасть ниц.

— Не видно.

Нина улыбнулась, тем самым заканчивая игру, и сказала уже совсем другим тоном:

— Рада тебя видеть, Филя Лавров.

— И я рад, Ниночка Рамазанова.

Нина медленно убрала светлую прядь за ухо, а Филя за этим жестом проследил.

— Руку и сердце еще никому не пообещала? — улыбнулся Филя и сделал шаг в сторону гостиной.

— Я люблю только тебя, Филя Лавров!